

УДК 82

М. Г. Матлин

СВАДЕБНАЯ ИГРА В «ПОКОЙНИКА» В ПРАЗДНИЧНО-ОБРЯДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО СЕЛА¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение смеховых форм послесвадебного этапа русской традиционной свадьбы – одна из актуальных задач современного исследования свадебной обрядности. Это позволит осмыслить их происхождение и развитие, взаимодействие в них ритуально-мифологической семантики и театральности-игровой стихии. Цель работы – проанализировать свадебную игру в «покойника» в контексте схожих игровых форм в празднично-обрядовом пространстве русского села.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования полевых записей из фольклорного архива кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, публикаций описаний русской свадьбы XIX и XX вв. Методологической основой стал сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить свадебные традиции разных эпох и регионов, а также празднично-обрядовые традиции одного региона в определенный исторический период.

Результаты. В результате исследования выстроена типология игры в «покойника», рассмотрены родственные явления в похоронной и календарно-праздничной обрядности, в играх и развлечениях молодежи и детей, в некоторых сценках народного театра.

Выводы. Изучение свадебной игры «в покойника» в широком празднично-обрядовом пространстве русского села позволило показать, что она существовала и развивалась в едином празднично-обрядовом пространстве села, где одни и те же жители были то зрителями, то участниками, то организаторами самых различных обрядов, праздников, игр, в которых одной из любимых долгое время оставалась игра в «покойника».

Ключевые слова: игра, народный театр, свадьба, обряд, праздник.

М. G. Matlin

«THE DECEASED» WEDDING GAME IN FESTIVE RITUAL SPACE OF RUSSIAN VILLAGE

Abstract.

Background. The studying of comic forms of postwedding period in Russian traditional wedding is one of the urgent problems of the modern research of wedding ceremonies. It will allow understanding their origin and development, interaction of ritually-mythological semantics and theatrically elements in them. The purpose is to

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда – проект № 13-04-00254.

examine «the deceased» wedding game in the context of similar playing forms in festive ritual space of Russian village.

Materials and methods. The realization of research problems was achieved through the usage of documents from the folk archive collection of literature department of Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, descriptions of Russian wedding in the XIX and XX centuries. The comparative-historical method became a methodological research basis, it allows to match the wedding traditions of different eras and regions, as well as festive and ritual traditions of a region in a certain historical period.

Results. As a result of the research the typology of «the deceased» game was built, the related phenomena in the funeral and calendar-holiday rituals, games, children and youth entertainment, some short plays in folk theater were considered.

Conclusions. Studying of «the deceased» wedding game in a broad festive ritual space of Russian village allowed to show that it existed and was developed in a single festive ritual space of the village, where the same people were either spectators or participants or organizers of various ceremonies, celebrations, games in which one of the favorite games for a long time remained «the deceased» game.

Key words: game, folk theater, wedding, ritual, celebration.

Послесвадебный этап русской традиционной свадьбы XIX–XX вв. характеризуется многообразием таких смеховых форм [1, с. 537–543], в которых можно явственно увидеть процесс, определенный В. Е. Гусевым как движение от обряда к народному театру [2]. В одних случаях это смеховое театрально-игровое начало присутствует только локально, появляясь лишь в определенной фазе обряда, как, например, в обряде посещения молодой/молодыми водного источника [3, с. 88–110]. В других, как, например, в обрядовом действе «Ярку искать» [4, с. 631–645], оно полностью охватывает его, определяя облик участников, их действия, исполняемые ими словесные и словесно-музыкальные тексты, что позволяет квалифицировать это действо как явление народного театра.

Происхождение и развитие этих и других смеховых форм в послесвадебной обрядности, взаимодействие в них ритуально-мифологической семантики и театрально-игровой стихии – сложная и пока еще далекая от решения научная проблема. Особый интерес в этом отношении представляет обрядовое действо, для номинации которого исследователями, а иногда и носителями традиции используется лексема *игра*. Это игра в «покойника».

Игра в «покойника» представляет собой небольшую сценку, разыгрываемую на второй день свадьбы. Она может входить в качестве своеобразной интермедии в состав действия «Поиски обрядового животного», но может разыгрываться как самостоятельное и отдельное представление. Для общерусской традиции, в том числе зафиксированной на территории Ульяновской области, характерна определенная вариативность. Учитывая особую значимость «пространственной структуры обряда» (М- и F-локусы) [5, с. 89–90], можно выделить три основные версии игры в зависимости от места разыгрывания сценки.

I. Дом жениха.

«А примерно, от невесты идут к жениху, видь спирьва ищут молодку-ту, а тут покойник. “Какая у нас молодка? Какие нам пиры? У нас покойник, а вы молодку искать сюды идёти!” Вот так чудили» [01.2005; с. Потьма, Кар-

сунский район, Ульяновская обл.; Замошникова М. Д., 1929 г. р.; зап. Слепцова И. С.].

II. Дом невесты.

«На второй день жениха и невесту прятали. Их искали ряженые: цыганка, врач, прокурор, пастух. В доме невесты имитируют покойника. “Покойник” ложится на лавку, а врач пытается его оживить. “Покойник” не должен говорить, двигаться, и только после того, как ему нальют рюмочку, он оживает. Как “оживят покойника”, идут искать ярку» [5.07.1993; с. Садовое, Новоспасский район, Ульяновская обл.; Белова К. И., 1912 г. р.; зап. Плют И.].

III. На улице во время перехода от дома жениха к дому невесты.

«У нас один был старик, он все время “умирал” на свадьбе. Вот сделают доски, привяжут носилки, понесут покойника. Кто вопит, кто чёво...<...> Ну, ляжет и всё. Тащат по всему селу с полотенцами, доску широкую найдут, доску положат на полотенец и нясут. Кто-нибудь сзади, озорник, какая-нибудь баба-шутница идёт вопит. Вино будут лить в рот – он вскочит. Свадьба есть свадьба. Принёсут туды с покойником. “Умер вот на свадьбе”» [10.07.2001; с. Новиковка, Старомайнский район, Ульяновская обл.; Аристова В. Я., 1937 г. р.].

Внутри каждой версии в свою очередь существуют варианты игры в зависимости от завершения сценки. Во-первых, она может завершаться «воскресением» покойника в результате целенаправленных действий одного из персонажей, во-вторых, покойник может «оживать» сам, т.е. «воскресение» не становится результатом чьих-либо действий, и в-третьих, «воскресения» не происходит.

А. «“Покойник” ляжет на лавку. Врач ему укол делает. Когда входит беседа (гости, которые идут в дом невесты), родители невесты говорят: “Беда на нас. Упокойник”. Ему “укол делают”, натирают, лечат. Он вскакивает и начинает плясать» [13.07.1979; с. Пятино, Инзенский район, Ульяновская обл., Гнедова Л. М., род. в с. Валгуссы Инзенского района, 1913 г. р.; зап. Чередникова М. П.].

В. «[Разыгрывали ли сценку с покойником?] Ложился кто-нибудь на лавку, как мёртвый. Все вóпят, вóпят. А потом встаёт – ожил. И все чудить начинают, веселиться» [04.07.2008; р. п. Чердаклы, Чердаклинский район, Ульяновская обл.; Епишина А. Н., 1933 г. р.; зап. Екачева Е. П.].

С. «И иногда в доме невесты устраивали игру в “покойника”. После того, как отгуляют у жениха, все родственники идут в дом невесты. А в это время в доме невесты, где уже накрыты столы к свадебному пиру, какого-нибудь человека кладут на стол как “покойника”. Закрывают его ватолой, а всем тем, кто идет к ним в дом на свадьбу, говорят родственники невесты, что у них траур – покойник, что нужно идти потише. В дом не пускают. В доме дым, так как один из родственников как поп ходит с кадилой вокруг “покойника”. Плачут. В дом входят двое или несколько мужчин со стороны жениха, берут “покойника”, выносят его из дома. Только теперь свадьба снова продолжается» [20.02.1978; с. Потьма, Карсунский район, Ульяновская обл., Козлова З. И.; зап. Туганова В.].

В некоторых записях информант не указывает, в каком доме разыгрывается сценка, потому что и для него и для собирателя это ясно из контекста разговора. «Играли в покойника. Идёт беседа, а какой-нибудь мужчина ляжет

на передней лавке, накроют его холстом, а около него плачущие сидят. Или врач придет, разденет больного, укол ему делает» [12.07.1979; с. Аксаур, Инзенский район, Ульяновская обл., Томила Е. В., 1909 г. р.; зап. Чередникова М. П.]. В данном случае лексема «беседа», обозначающая в этом селе гостей со стороны жениха, делает понятным, что в «покойника» играли в доме невесты.

Вариативна была и центральная часть сценки – она могла включать в себя пародийные **отпевание и лечение**, только **отпевание** или только **лечение**.

Лечение и отпевание. «[Разыгрывалась ли сценка с “покойником”? Сколько человек в ней участвовало, в каких ролях?]. Во время свадебных обрядов без этого не обходится. Участвуют и со стороны жениха, и со стороны невесты. Они говорят: “Приехал на пир наш родственник, и с ним случился приступ, у него не вовремя оказанная помощь, и он у нас умер. Сейчас находится в той комнате, его положили на диван, он накрыт белой простыней”. Все идут, смотрят: “Да, это наш знакомый”. Обнаружится его близкая родственница, мать или невеста. Это оказывается ее сын, она подходит с группой участвующих и горько плачет: “Дорогой мой милый сыночек... Что ж закрылись твои белые очи? Как я буду жить без тебя? Как будет продолжаться жизнь?...” [Как его наряжали?]. А его наряжали даже в белое, одевали белые тапочки. Когда заканчивали игру, некоторые его опрыскивали, чтобы он оживился, смотря чем да как. Если ему попадет в глаз, он даже вскакивал. А у некоторых был заготовлен гроб, клали его в гроб. [Что исполняли при этом? Может, песни?]. Нет, тут больше грустное – плач с причетом о судьбе усопшего» [13.07.1997; р. п. Николаевка, Николаевский район, Ульяновская обл.; Жукова А. А., 1922 г. р.; родилась в с. Садовое Новоспасского района Ульяновской обл., в р. п. Николаевка живет с 1948 г.; зап. Тимошкина М. А.].

Чтобы остановить причитания, преодолеть препятствие, использовали универсальное средство – давали алкоголь.

Только лечение. «Ряженым подносят самогонки. Они сначала отказываются, говорят: “Самогонкой не откупитесь, старуха-то вон у нас умирает!” – “А мы и ей лекарства дадим”. Разливают старухе самогонку. Она оживает, начинает плясать» [10.07.1981; с. Барышская Слобода, Сурский район, Ульяновская обл., Шмакова Н. Г., 1903 г. р.; зап. Симонова С., Борисова С.].

Только отпевание. «Второй день ходили «репьем» наряженные (репей, кудель вешали на себя). <...> Утром, в обед идут – в избе “покойник” – женщина или мужчина. Ряженные говорят: “У нас упокойник, а вы куда идете?”. Начнут женщины плакать нарочно. Лапоть как кадило. Женщины встречают. У них гребень, веретено, донце. Встанут, обольют водой. Все смеются. Потом за стол садятся» [11.07.1980; с. Большая Борисовка, Инзенский район, Ульяновская обл.; Ладонина Н. Т., 1912 г. р.; зап. Матлин М. Г.].

В некоторых вариантах особо выделяется сочетание плача и смеха, шутовского отпевания и разнузданной пляски возле «покойника», которого, в конце концов, тоже включают в это безудержное веселье. «Ряженные заходят в избу жениха, лежит “покойник” женщина или мужчина. На лавке лежит в своей одежде, в руках платочек. Возьмут, кто какой лапоть. Помотают лапоть, перевяжут его, на лавку вешают перед покойником. Вокруг покойника все плачут. “У нас горе, у нас покойник. Зачем поёте да пляшете?” Ряженные

поют, пляшут. Подымут покойника, начнут петь да плясать, кто во что горазд» [07.1980; с. Малая Борисовка, Инзенский район, Ульяновская обл.; Юдина А. Г., 1913 г. р.; зап. Симонова С. А.].

Различны были способы изображения «покойного», действия над ним, реакция участников сценки и зрителей.

Самый простой способ создания «покойника» – положить на лавку или стол мужчину или женщину и накрыть его/ее каким-либо белым материалом – простыней, ватолой и пр. «“Покойника” просто покрывали покрывалом или простыней» [04.07.2003; с. Ясашная Ташла, Теренгульский район, Ульяновская обл.; Спирина А. С., 1929 г. р.; зап. Грунявина Ю. П.]; «Какого-нибудь человека кладут на стол, как покойника. Закрывают его ватолой» [20.02.1978; с. Потьма, Карсунский район, Ульяновская обл.; Козлова З. И.; зап. Туганова В.].

Но могли и более полно имитировать традиционную одежду, в которую обряжали умершего, – надевали лапти, белую холщовую рубашку, в руки давали свечку. «Ну как наряжут его, конечно, в чистенькое, чистеньким он там лежит. Ну, кто для шуток лапти наденут на него, кто там, может быть, ну, раньше холщовые рубашки были, у кого может сохранились, наденут на него кто-нибудь» [07.07.2001; р. п. Новоспасское, Новоспасский район, Ульяновская обл.; Новикова К. И., 1929 г. р.; зап. Аминова А. Р.]. «А его наряжали даже в белое, одевали белые тапочки» [13.07.1997; р. п. Николаевка, Николаевский район, Ульяновская обл.; Жукова А. А., 1922 г. р.; родилась в с. Садовое Новоспасского района Ульяновской обл., в р. п. Николаевка живет с 1948 г.; зап. Тимошкина М. А.]. «Идем «ярку» искать, а они сделают – лежит “покойник” на скамейке у них, лежит, еще свечку держит, вот» [07.07.2001; р. п. Новоспасское, Новоспасский район, Ульяновская обл.; Новикова К. И., 1929 г. р.; зап. Аминова А. Р.].

Среди действий, совершаемых над «покойником», были прежде всего разнообразные способы его «лечения» – ему давали таблетки, делали уколы, («Мы и колем его, и таблетки даем» [02.07.2008; с. Ружеевщино, Сурский район, Ульяновская обл.; Андреева Р. П., 1938 г. р.; зап. Новикова В. В.]), вливали в рот алкоголь («“Покойник” не должен говорить, двигаться и только после того, как ему нальют рюмочку, он оживает» [05.07.1993; с. Садовое, Новоспасский район, Ульяновская обл.; Белова К. И., 1912 г. р.; зап. Плют И.]), щекотали («начинают щекотать» [07.1999; с. Ясашная Ташла, Теренгульский район, Ульяновская обл.; Винокурова Е. Т., 1941 г. р.; зап. Андреева М. С.]), натирали («Ему “укол делают”, натирают, лечат» [13.07.1979; с. Пятино, Инзенский район, Ульяновская обл.; Гнедова Л. М., род. в с. Валгуссы Инзенского района, 1913 г. р.; зап. Чередникова М. П.]), опрыскивали («Когда заканчивали игру, некоторые его опрыскивали, чтобы он оживился, смотря чем да как» [13.07.1997; р. п. Николаевка, Николаевский район, Ульяновская обл.; Жукова А. А., 1922 г. р.; родилась в с. Садовое Новоспасского района Ульяновской обл., в р. п. Николаевка живет с 1948 г.; зап. Тимошкина М. А.]).

Участники сценки, например «доктор», а иногда и зрители, щекотали «покойника», снимали с него одежду. «Он [“покойник” – М. М. Г.] лежит, гости начинают его раздевать, начинают щекотать, штаны с него снимать» [07.1999; с. Ясашная Ташла, Теренгульский район, Ульяновская обл.; Винокурова Е. Т., 1941 г. р.; зап. Андреева М. С.]; «Там шутики есть шутики, свадьба

есть свадьба. Снимает с него брюки, если это мужчина, если женщина – поднимают, снимают с нее платье» [10.07.1997; с. Вешкайма, Вешкаймский район, Ульяновская обл.; Кувшинникова Г. С., 1953 г. р.; зап. Матвеева М. А.].

От «покойника» же требовалось одно – не двигаться, не говорить, не смеяться. «“Покойник” не должен говорить, двигаться и только после того, как ему нальют рюмочку, он оживает» (05.07.1993; с. Садовое, Новоспасский район, Ульяновская обл.; Белова К. И., 1912 г. р.; зап. Плют И.).

Отпевание, пародирующее церковный обряд, совершалось в соответствии с народной смеховой традицией святочной, театральной – кто-либо наряжался попом, вместо кадила брали лапоть, а окропляли, взяв в руки веник. «Начнут женщины плакать нарочно. Лапоть как кадило» [11.07.1980; с. Большая Борисовка, Инзенский район, Ульяновская обл.; Ладонина Н. Т., 1912 г. р.; зап. Матлин М. Г.]. «В доме дым, так как один из родственников, как поп, ходит с кадилой вокруг покойника» [20.02.1978; с. Потьма, Карсунский район, Ульяновская обл.; Козлова З. И.; зап. Туганова В.]. «Ходит женщина (сваха) и брызжет вокруг веником, намоченным в воде, так что гости не могут подойти к столу» [25.01.1995; с. Бекетовка, Сенгилеевский район, Ульяновская обл.; Иванова З. П., 1930 г. р.].

Причитания, исполняемые над «покойником», представляли собой по преимуществу импровизированные вопли, или заплачки. «[Разыгрывали ли сценку с покойником?] Да! Вот к некоторым в избу заходишь – там лежит “покойник”. Рядом сидят бабы вопят – или же мама, или же папа умер. Ну, кто умеет – причитывает, а кто не умеет – так плачут» [02.07.2008; с. Ружевино, Сурский район, Ульяновская обл.; Андреева Р. П., 1938 г. р.; зап. Новикова В. В.]. «И кто-нибудь сидит и причитает: “Милый ты мой. Как я буду жить-то. Да что ты как рано ушел?” С прибаутками там вопит над ним там, плачит, жалеет. Второй подойдет, присоединится. Тоже начинает: “Ты что оставил нас? Что ты нас покинул?” Всякие прибаутки начнут причитать» [07.07.2001; р. п. Новоспасское, Новоспасский район, Ульяновская обл.; Новикова К. И., 1929 г. р.; зап. Аминова А. Р.].

Приведенные примеры показывают, что даже на ограниченной территории (Ульяновская область) данная традиция, во-первых, имела в XX в. достаточно большое распространение, охватывая северные, центральные и южные районы (всего данная игра зафиксирована в 28 селах 14 районов), а во-вторых, обладала богатой и развитой театрально-игровой выразительностью.

Зафиксирована эта традиция и в других регионах России. В частности, весьма распространена она была в Пензенской области. Как указывала Н. Н. Гилярова, «особенностью свадебной обрядности Пензенской области была игра в “покойника” на второй день свадьбы. Она отмечена нами в отдельных селах. Географическую закономерность определить довольно трудно, так как двадцать три села, где был зафиксирован обычай, расположены как в центральных, так и в северных и в южных районах. Почти везде в “покойника” наряжался один из мужчин, родственник жениха. Его наряд аналогичен наряду святочного покойника, описанного С. Максимовым» [6, с. 41]. В сводной таблице, приведенной в статье, отмечено два варианта мест разыгрывания игры – на улице и в доме при абсолютном преобладании дома. Немногочисленны были и плачи – зафиксированы только в двух селах [6, с. 46].

О длительности существования этой традиции на данной территории говорит публикация описания игры в «покойника» в «Живой старине» (1905 г.) [7, с. 455–456].

Записана эта игра и в Нижегородской области [8, с. 183–184]. Отмечено ее существование в свадебной традиции Рязанской области [9, с. 297; 10, с. 127]. Упоминает о существовании «игры в покойника» на территории Севского района Брянской области О. А. Славянинова [11, с. 110]. О существовании данной традиции в Тамбовской губернии свидетельствует публикация в Тамбовских губернских ведомостях [12, с. 2]. Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан указывали, что она присутствовала также в Курской, Орловской, Воронежской губерниях [13, с. 95].

При анализе этой свадебной игры принципиально важно учитывать, что она существовала не как отдельное и уникальное явление, а как один из вариантов игры этого типа в обширном и разнообразном контексте традиционной культуры, входя в состав более широкой традиции, обнимающей похоронно-поминальную и календарную обрядность, игры и развлечения детей, молодежи, взрослых мужчин и женщин, т.е. различного рода смеховые действия с покойником, около покойника и собственно игры в покойника.

Приведем некоторые описания ее, сделанные в Ульяновском Присурье. ««Каранили» мы и «винчали». Ка(г)да куклу клали, а ка(г)да проста так чыла-век лягит вот на скамейку, и вот «каранили» яво. Атпявали. Да, куклу из саломы делали. Ну мала, мы эта, мала, куклу-ти... Вот проста, такая у нас была сваяхотливая дивчонка, и ана, как ей скажишь, ана: «Давайти, я лягу!» Вот и лягит и всё. И вот лижит и надсмишают иё и всё, и ана ника(г)да ни засмиёцца, лижит как будта ей... Атпявали. Вот всё: «У папá была каза серая» – эта пели. Да. Я вот, как «поп». Адияла на sibя вот накинуду, вот булавкой застягну, а в руки смётак или лапач. И вот хажу, кадю. Эт(а) мая работа была. Я всё гаварю, миня за эта Гасподь наказыва(а)т. Как, бишь, иё начынают-та?»

У папá была каза серая,
И павадилась к падмарю на проса хадить.
А падмарь-ат иё падкараулил убил
И павесил иё над паповыми варотами.
А поп-ат выходит Богу молицца,
– Слава тибе, казляти на распятия,
Куда тибя черти запятели?
У нас благачынный был сирдитай,
Давайте на няво асердимся,
Ни пайдём ни к абедни, ни к заутрини,
Штобы он нам паставил бочку зелена вина,
И павесил кавши-ти медныя,
А мы падайдём да выпьем
И пайдём мы ат папа-та пьяныя
И запаём мы:
Паласа ты наша, палосынька,
Ни пахына, ни барновына,
Зарасла ты наша палосынька
Ельничкам да бирезничкам,
Да ишо горьким асинничкам.
Тут и шла, прашла каза Симионавна...» [14, с. 117].

«Шуточная имитация похорон, – как отмечают исследователи, – была одним из развлечений молодежи в келье. Обычно так развлекались девушки в отсутствие парней. В шутовской форме они разыгрывали оплакивание и отпевание покойника» [15, с. 238]. Эту игру девушки также могли разыгрывать в кельях и на другие праздники [14, с. 118].

Помимо святочной традиции, игра в «покойника» (инсценирование похорон, в котором роль умершего исполнял человек) на территории Ульяновской области, во многих других областях России отмечена и в иные календарные сроки. Могла исполняться она и в будни. Наиболее полная сводка данных по Ульяновскому Присурью приведена в статье И. С. Слепцовой и М. П. Чередниковой «В покойника играть» [15, с. 235–240]. В данной статье, в частности, отмечается, что ею «развлекались во время перерыва в работе, когда уходили в поля на весь день полоть, косить или жать», ибо эта ситуация, «когда собиралось много хорошо знакомых между собой людей, сама провоцировала устройство разнообразных забав и развлечений» [15, с. 235]. Инициаторами игры «выступали женщины или девушки, которые имели репутацию “чудаков” и которые были зачинщиками и других подобных игровых акций. Часто при этом разыгрывали сценки, имитирующие и пародирующие настоящие похороны с убиением и оплакиванием покойного, его отпеванием, которое проводилось “попом” и т.п. <...> Формулы отпевания имели, как правило, фарсовый характер» [15, с. 235–236]. Как и в святочной игре «в некоторых селах в конце игрового действия “покойник” вскакивал и гонялся за участниками представления, стараясь поймать их» [15, с. 236]. В с. Кадышево, «кроме убиения и отпевания “покойника”, его еще и несли на носилках хоронить на берег озера» [15, с. 237]. Такие «похороны» могли разыгрываться и во время любого колхозного праздника [15, с. 237].

Подобные формы озорства, подшучивания парней над девушками, взрослых над детьми были широко распространены и в другое время года. В отличие от святочных забав, которые имели более или менее постоянный характер и органично вписывались в обрядовую традицию, озорство и подшучивание часто имели спонтанный характер, порождались отдельными людьми, для которых смеховое поведение есть «особый стиль мышления и способ коммуникации» [16, с. 11]. «“Покойником” [наряжалась] это лет шеснаццать было, пятнаццать. Колоду вытащили, там мы у попа во дворе, я лёгла в эту, в колоду, цветами нарядили. Там сырени, сыренью уладили всё. У матери холсты утащила, вынесли. А женшчыны сидели напротив: “Да батюшки!” – Со двора-то [побежали]. – “Покойник!” Кинулись! “А ба! Да ты што!” Наряжалась...» [17, с. 428].

Имитацию похорон с последующим воскрешением «покойника» представляли собой также некоторые детские игры. И. С. Слепцова и М. П. Чередникова, приводят рассказ о подобной игре, которая представляла собой такое же традиционное игровое освоение похоронной традиции, какой была и игра в свадьбу [15, с. 240].

Все, кто так или иначе обращался к анализу святочной игры в покойника, отмечали их близость к таким игровым и хороводным песням весеннего цикла, как «Кострома», «Дударь» и др. [18, с. 240; 19, с. 98], народной драме «Маврух» [20, с. 205], сценке похорон в кукольном театре Петрушки [2, с. 55, 57, 58].

К приведенным примерам можно добавить и несомненную связь одного из персонажей свадебной игры в «покойника» – врача – с традиционным образом лекаря в народном театральном искусстве. Так, в его монологе-выходе в театре «Петрушка» звучат слова, прямо отсылающие к свадебной игре: «Я доктор-лекарь, с-под Каменного моста аптекарь, **мертвых вылечаю** (выделено нами – М. М. Г.), здоровых на тот свет отправляю» [21, с. 290].

В похоронно-поминальной традиции восточных, западных и южных славян также существовали игровые действия, близкие святочной игре в «покойника», на что обратил внимание В. Е. Гусев [2, с. 53–56], и еще в начале XX в. они были живой традицией на Западной Украине.

Е. Е. Левкиевская в словаре «Славянские древности» в статье «Игры при покойнике» отмечает, что это – «элемент з.-укр. похоронного обряда, приуроченный к первой или второй ночи после кончины, реже – после погребения, когда родственники и соседи устраивают посиделки в доме, где лежит покойник» [22, с. 386]. Она выделяет четыре типа таких игр: «игры с покойником, основой которых служит символическое “буженне”, “оживление”; игры, имитирующие отпевание и похоронный обряд; эротические игры, имитирующие половой акт; “состязательные” игры, соревнования в ловкости, быстроте и смекалке» [22, с. 386]. Соответствия как со святочными, так и свадебными играми в «покойника» имеют только первые два типа. В играх первого типа «умершего тянут за ноги, приглашая подняться, хватают за волосы и просят догадаться, кто это сделал, щекочут в носу соломинкой или веткой, чтобы заставить рассмеяться» [22, с. 386]. В играх, которые имитируют похоронный обряд, «роль покойника исполняется кем-нибудь из участников посиделок. Его кладут на лавку, накрывают полотном. Другой парень переодевается в женское платье и начинает причитать, изображая жену “покойного”, Третий участник игр наряжается священником – ему надевают на голову красный колпак, из фартука делают облачение, а спину украшают крестом из газеты или картофельных очисток. “Священник” берет в руки башмак, кожаный лапоть или горшок на веревке с тлеющей ветошью и пародирует отпевание. <...> В это время двое парней пытаются сбросить “покойника” на пол. Он увертывается от них и убегает» [22, с. 386–387].

Об этой же западно-украинской традиции пишет в своей книге «Заключение смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян» С. К. Лашенко, приводя многочисленные примеры различных игр при покойнике, с покойником и давая им свое, весьма оригинальное истолкование [23, с. 17–104]. Обращается к этой традиции и О. А. Седакова в монографии «Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян». В подобных играх в погребальном обряде, распространенных «на территории Западной Украины, в Карпатах», известных также словакам, сербам, она видит «реликт архаического драматического действия», который составляет «отдельную сцену в обряде» и при помощи которого «чисто драматическими средствами выражаются общие для всей обрядовой реальности семантические мотивы, темы содержательного уровня» [24, с. 98].

Из приведенных примеров видно, что данная свадебная игра в «покойника» есть часть большой, весьма разнообразной и многообразной традиции, активно существовавшей в XIX–XX вв. В похоронной и календарной обрядности, играх и развлечениях людей разных возрастов присутствовал один

и тот же комплекс действий, который может быть определен как игра в «покойника», представлявшая собой смеховое, доходящее до фарса инсценирование одного из этапов похоронного ритуала, включающего в себя элементы церковного обряда (отпевание священником) или ограничивающегося внецерковной похоронной традицией (исполнение причитаний). Развитие ее в рамках русской традиционной свадьбы, возникновение инноваций происходили не только в контексте эволюции традиционной свадьбы в XX в., но и в процессе общего изменения единого празднично-обрядового пространства села, в котором одни и те же жители были то зрителями, то участниками, то организаторами самых различных обрядов, праздников, игр, в которых, как было показано выше, одной из любимых долгое время оставалась игра в «покойника».

Список литературы

1. **Гура, А. В.** Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика / А. В. Гура. – М. : Индрик, 2012. – 936 с.
2. **Гусев, В. Е.** От обряда к народному театру: (Эволюция святочных игр в покойника) / В. Е. Гусев // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов. – Л. : Наука, 1974. – С. 49–59.
3. **Матлин, М. Г.** Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой/молодыми водного источника / М. Г. Матлин // Научный диалог. – Вып. № 6 (18). – 2013. История. Социология. Этнография. – Екатеринбург, 2013. – С. 88–110.
4. **Матлин, М. Г.** Яркую искать / М. Г. Матлин // Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 2: М–Я / И. С. Слепцова, А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др. – М. : Индрик, 2012. – С. 631–645.
5. **Байбурин, А. К.** К описанию организации пространства в восточно-славянской свадьбе / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. – Л. : Наука. ЛО, 1978. – С. 89–105.
6. **Гилярова, Н. Н.** Особенности свадебных традиций населения Пензенской области / Н. Н. Гилярова // Этнографическое обозрение. – 1996. – № 2. – С. 30–50.
7. **Астров, Н.** Крестьянская свадьба в селе Загоскине Пензенского у.: (Бытовой очерк) / Н. Астров // Живая старина. – 1905. – Вып. III–IV. – С. 414–458.
8. Нижегородская свадьба: Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край. Обряды, причитания, песни, приговоры / изд. подг. М. А. Лобанов, К. Е. Корепова, А. Ф. Некрылов. – СПб. : КультИнформПресс, 1998. – 312 с.
9. **Самоделова, Е. Д.** Рязанская свадьба: Исследование обрядового фольклора / Е. Д. Самоделова. – Рязань : Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 1993. – 326 с.
10. Русская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь / И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Н. Н. Гилярова, Л. Н. Чижикова. – Рязань : Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 2001. – 488 с.
11. Старинная севская свадьба 1978 – Старинная севская свадьба / записи и свод О. А. Славяниной ; подг. текстов к печати и ред. Ф. М. Селиванова. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 184 с.
12. **Неч., Н.** Свадебные обычаи в Хворостянке Усманского уезда / Н. Неч. // Тамбовские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1889. – 25 мая. – № 55. – С. 2.
13. **Зуева, Т. В.** Русский фольклор : учеб. для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – М. : Флинта ; Наука, 2002. – 400 с.

14. **Чередникова, М. П.** Наряженными ходить / М. П. Чередникова // Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 2: М–Я / И. С. Слепцова, А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др. – М. : Индрик, 2012. – С. 97–118.
15. **Слепцова, И. С.** В покойника играть / И. С. Слепцова, М. П. Чередникова // Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 1: А–Л / И. С. Слепцова, А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др. – М. : Индрик, 2012. – С. 235–240.
16. **Морозов, И. А.** Игра: Образ мышления. Стиль поведения. Конструирование реальности / И. А. Морозов, И. С. Слепцова // Личность: игра и реальность / сост.: И. А. Морозов, И. С. Слепцова ; отв. ред. М. Л. Бутовская. – М. : ИЭА РАН, 2010. – С. 5–22.
17. **Слепцова, И. С.** Пугать / И. С. Слепцова // Традиционная культура Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 2: М–Я / И. С. Слепцова, А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др. – М. : Индрик, 2012. – С. 419–430.
18. **Морозов, И. А.** Женильба добра-молодца: Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы»/«женитьбы» / И. А. Морозов. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора ; Лабиринт, 1998. – 352 с.
19. **Пропп, В. Я.** Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования) / В. Я. Пропп. – СПб. : Terra – Азбука, 1995. – 176 с.
20. **Чичеров, В. И.** Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв.: Очерки по истории народных верований / В. И. Чичеров. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 236 с.
21. Фольклорный театр / сост., вступ. ст., предисл. к текстам и ком. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. – М. : Современник, 1988. – 476 с.
22. **Левкиевская, Е. Е.** Игры при покойнике / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2: Д–К (Крошки). – С. 386–388.
23. **Лашенко, С. К.** Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян / С. К. Лашенко. – М. : Ладомир, 2006. – 316 с.
24. **Седакова, О. А.** Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седакова. – М. : Индрик, 2004. – 320 с.

References

1. Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. Moscow: Indrik, 2012, 936 p.
2. Gusev V. E. *Fol'klor i etnografiya: Obryady i obryadovyy fol'klor* [Folklore and ethnography: rituals and ritual folklore]. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 49–59.
3. Matlin M. G. *Nauchnyy dialog. Vyp. № 6 (18). 2013. Istoriya. Sotsiologiya. Etnografiya* [Scientific dialogue. Issue № 6 (18). 2013. History. Sociology. Ethnography]. Ekaterinburg, 2013, pp. 88–110.
4. Matlin M. G., Sleptsova I. S., Lipatova A. P., Morozov I. A., Safronov E. V., Cherednikova M. P. et al. *Traditsionnaya kul'tura Ul'yanovskogo Prisor'ya: Etnodialektnyy slovar'*. T. 2: М–Я [Traditional culture of Ulyanovsk Sura region: Ethnic-dialect dictionary. Volume 2: М–Я]. Moscow: Indrik, 2012, pp. 631–645.
5. Bayburin A. K., Levinton G. A. *Russkiy narodnyy svadebnyy obryad: issledovaniya i materialy* [Russian folk wedding ritual: research and materials]. Leningrad: Nauka. LO, 1978, pp. 89–105.
6. Gilyarova N. N. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1996, no. 2, pp. 30–50.

7. Astrov N. *Zhivaya starina* [Live old times]. 1905, iss. III–IV, pp. 414–458.
8. *Nizhegorodskaya svad'ba: Pushkinskie mesta. Nizhegorodskoe Povolzh'e. Vetluzhskiy kray. Obryady, prichitaniya, pesni, prigovory* [Nizhny Novgorod wedding: Pushkin's places. Nizhny Novgorod Volga region. Vetluzhsky area]. Saint Petersburg: Kul't-InformPress, 1998, 312 p.
9. Samodelova E. D. *Ryazanskaya svad'ba: Issledovanie obryadovogo fol'klora* [Ryazan wedding: research of ritual folklore]. Ryazan: Ryazanskiy oblastnoy nauchno-metodicheskiy tsentr narodnogo tvorchestva, 1993, 326 p.
10. Morozov I. A., Sleptsova I. S., Gilyarova N. N., Chizhikova L. N. *Russkaya traditsionnaya kul'tura pervoy poloviny XX veka: Shatskiy etnodialektnyy slovar'* [Russian traditional culture of the first half of XX century: Shatsk ethnic-dialect dictionary]. Ryazan: Ryazanskiy oblastnoy nauchno-metodicheskiy tsentr narodnogo tvorchestva, 2001, 488 p.
11. *Starinnaya sevsкая svad'ba 1978 – Starinnaya sevsкая svad'ba* [Ancient sevsкая wedding 1978 – Ancient sevsкая wedding]. Moscow: Izd-vo MGU, 1978, 184 p.
12. Nech. N. *Tambovskie gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya* [Tambov regional bulletin. Unofficial part]. 1889, 25 may, no. 55, p. 2.
13. Zueva T. V., Kirdan B. P. *Russkiy fol'klor: ucheb. dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Russian folklore: textbook for universities]. Moscow: Flinta; Nauka, 2002, 400 p.
14. Cherednikova M. P., Sleptsova I. S., Lipatova A. P., Matlin M. G., Morozov I. A., Safronov E. V. et al. *Traditsionnaya kul'tura Ulyanovskogo Prisureya: Etnodialektnyy slovar'. T. 2: M–Ya* [Traditional culture of Ulyanovsk Sura region: Ethnic-dialect dictionary. Volume 2: M–Я]. Moscow: Indrik, 2012, pp. 97–118.
15. Sleptsova I. S., Lipatova A. P., Matlin M. G., Morozov I. A., Safronov E. V., Cherednikova M. P. et al. *Traditsionnaya kul'tura Ulyanovskogo Prisureya: Etnodialektnyy slovar'. T. 1: A–L* [Traditional culture of Ulyanovsk Sura region: Ethnic-dialect dictionary. Volume 2: A–Л]. Moscow: Indrik, 2012, pp. 235–240.
16. Morozov I. A., Sleptsova I. S. *Lichnost': igra i real'nost'* [Personality: game and reality]. Moscow: IEA RAN, 2010, pp. 5–22.
17. Sleptsova I. S., Lipatova A. P., Matlin M. G., Morozov I. A., Safronov E. V., Cherednikova M. P. et al. *Traditsionnaya kul'tura Ulyanovskogo Prisureya: Etnodialektnyy slovar'. T. 2: M–Ya* [Traditional culture of Ulyanovsk Sura region: Ethnic-dialect dictionary. Volume 2: M–Я]. Moscow: Indrik, 2012, pp. 419–430.
18. Morozov I. A. *Zhenit'ba dobra-molodtsa: Proiskhozhdenie i tipologiya traditsionnykh molodezhnykh razvlecheniy s simbolikoy «svad'by»/«zhenit'by»* [Marriage of a fine young man: origin typology of traditional youth entertainment with symbols of “wedding”/“marriage”]. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora ; Labirint, 1998, 352 p.
19. Propp V. Ya. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian agrarian holidays: (Experience of historical-ethnographic research)]. Saint Petersburg: Terra – Azbuka, 1995, 176 p.
20. Chicherov V. I. *Zimniy period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendarya XVI–XIX vv.: Ocherki po istorii narodnykh verovaniy* [Winter period of folk agricultural calendar of XVI–XIX centuries: essays on history of folk beliefs]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957, 236 p.
21. Fol'klornyy teatr [Folklore theatre]. Moscow: Sovremennik, 1988, 476 p.
22. Levkieskaya E. E. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquity: ethnic-linguistic dictionary: in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2: D–K (Kroshki), pp. 386–388.
23. Lashchenko S. K. *Zaklyatie smekhom: Opyt istolkovaniya yazycheskikh ritual'nykh traditsiy vostochnykh slavyan* [Spell by laughter: experience of interpreting heathen ritual traditions of eastern slavs]. Moscow: Ladomir, 2006, 316 p.
24. Sedakova O. A. *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Ritual poetics. Funeral ceremonies of eastern and south slavs]. Moscow: Indrik, 2004, 320 p.

Матлин Михаил Гершонович

доцент, кафедра литературы,
Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(Россия, г. Ульяновск, площадь
100-летия со дня рождения
В. И. Ленина, 4)

E-mail: matlin@mail.ru

Matlin Michael Gershonovich

Associate professor, sub-department
of literature, Ulyanovsk State Pedagogical
University named after I. N. Ulyanov
(4 100-letiya so dnya rozhdeniya
V. I. Lenina square, Ulyanovsk, Russia)

УДК 82

Матлин, М. Г.

Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве русского села / М. Г. Матлин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 121–133.